

ЭТНОГРАФИЯ

Б.М. Алимова

ЖЕНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КУЛЬТУРЕ КУМЫКОВ

К проблеме изучения социальных и семейных ролей мужчины и женщины, гендерному аспекту повседневности, различиям в поведении и образе жизни женщины и мужчины все чаще обращаются историки, социологи, этнографы и представители других смежных специальностей. Особое внимание к комплексу этих социальных явлений явственно наметилось в наши дни, характеризующиеся, в частности, заметно повышенным интересом к национально-культурным традициям этносов.

В данной статье рассмотрена культура кумыков в гендерном аспекте: что такое женское пространство у кумыков и чем женское пространство в их культуре отличается от мужского.

В связи с рассматриваемой проблемой следует уточнить значение понятий культура и женское пространство.

Общеизвестно, что понятие культура имеет широкое содержание, включающее в себя весь многогранный комплекс материального и духовного прогресса общества, непрерывно развивающегося в конкретно исторических границах (Социальное и национальное. 1973. С. 79), т.е. это результат трудовой и духовной деятельности народов, зафиксированный в различных реалиях – орудиях труда, жилище, одежде, пище, обрядах, фольклоре (Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н., 1982. С. 1–11 и др.). В целом все, что создано человеком, его руками и интеллектом, образует культуру (Бромлей Ю.В., 1973. С. 16–18).

Под женским пространством имеются в виду особенности социально-профессионального существования женщины в семье. Важное значение имеет выявление неявных властных функций женщины в семье, которые менее видны посторонним, поскольку эти признаки обычно не демонстрируются в публичном пространстве и формально считается, что домом правит мужчина (Хабек Й.О., 2006. С. 59). Основная интенция – озвучить скрытое от посторонних глаз.

В нашем случае при исследовании женского пространства в культуре кумыков речь пойдет не только о бытовой (повседневной) сфере жизни женщины (женщина в семье, ее повседневные заботы, права, обязанности, гендерные взаимоотношения в семье), но будет сделана попытка прояснить роль женщины и вне семьи, в кругу родственного коллектива и ее разнообразные гендерные роли в обществе.

Прежде всего следует отметить, что круг повседневных обязанностей кумыкской женщины был очень обширен. Хотя у кумычек пространственная сфера деятельности, связанная с традиционными занятиями, гораздо уже, чем у мужчин (труд женщин у кумыков лишь частично применялся в полеводстве), женщины никогда не сидели без дела. Даже во время кратковременного отдыха они были заняты работой (перебирали рис или другую крупу, вязали, латали, шили и т.д.). Но по причине гендерного разделения труда все их работы в основном были сосредоточены внутри дома или поблизости от дома (за исключением хождения за водой).

Каждая женщина сама обшивала свою семью и редко обращалась к услугам портных. О таких женщинах кумыки говорили: «Бичген ишлерине минг тапмай, тикгенде тенглилери кюлемей» («В ее кройке не найти изъяна, а как сошьет, ровесницы не будут смеяться»); «Къылны къыркъ къыя» («Волосинку на сорок частей может раскроить («разрезать»)) и др. (Аджиев А.М., 2005. С. 393). А кайтагские кумыки говорили: «Ол шейтенлеге де чарыкълар тикма бажара» («Она и шайтанам чарыки сошьет»: (в смысле мастерица на все руки).

Поддержание огня в очаге было главной обязанностью женщины, которая являлась «символом домашнего очага».

Однако это не было уникальной кумыкской или общекавказской традицией. Считается, что «... культ огня и домашнего очага генетически восходят к родовому обществу. В этом контексте женская функция поддержания огня в семейном очаге должна рассматриваться значительно шире – предназначение женщины направлено на сохранение и передачу следующим поколениям традиции как цементирующего материала для сохранения семейно-родового коллектива» (Текуева М.А., 2006. С. 35), «поддержания национального духа и традиций отцов, потому что именно женщина закладывает основы народной мудрости в молодое поколение, передавая исторический опыт предков через фольклор, религиозные культы, родовые запреты, мифологию, объясняя сложные и многочисленные нормы поведения на собственном примере» (Харсиева Л. М.- Т., 2007. С. 71–72).

Именно женщина выступала не только хранительницей очага, но и покоя в доме. Потеряв жену, кумыки говорили: «Мени отбашим йылади», что означало – умерла жена, которая поддерживала огонь в семейном очаге и «согревала» дом.

Как показывает полевой материал, женщина (мать, жена) в жизни мужчины занимала главное место, хотя это не демонстрировалось в публичном пространстве. Обычно считалось, что домом правит мужчина. Но кумыкская пословица говорит совершенно другое: «Къатын айтар, эр къайтар» (букв.: «жена скажет (возразит), муж согласится»). Другая кумыкская пословица гласит: «У кого не умерла жена, тот горя не познал». Или же «Основа счастья мужчины – жена». Хорошую жену кумыки сравнивают с золотом (Аджиев А.М., 2005. С. 402–403).

У кумыков немало пословиц и поговорок, посвященных нерадивым женщинам. Так, например, пословицы «Эки гелекни бир этген, бир гелекни ёкъ этген» («Из двух рубашек (платьев) одну сделала, одну на нет свела»), «Сыйыр савуп, май этмей, эски ямап, сав этмей» («Подойв корову, масла не получит, полатав старое (одежду), не сделает его словно целое») (Аджиев А.М., 2005. С. 393) о бесхозяйственных женщинах.

Как верно подметил известный фольклорист А.М. Аджиев, даже в тех пословицах, в которых «связывают несчастье в семье с «женскими бедами», можно усмотреть ту высокую роль, которая придавалась женщине в создании и сохранении семьи. Это особенно отчетливо видно в тех паремиях, где хорошая жена дается в противопоставлении плохой или где подчеркивается роль женщины в жизни мужчины, например: «И мужчиной делающая мужчину, и недостойным делающая мужчину – женщина (каков он)» (Аджиев А.М., 2005. С. 403). Кроме того, на женщину возлагается «главная задача рода – рождение и первичное воспитание новых членов» (Хамитов Н.В., 2002. С. 164). Даже в воспитании мужского характера в мальчиках мать играла немаловажную роль. Она постоянно внушала сыновьям, что они – будущая опора и защита семьи (матери, отца, сестер). Именно мать культивировала в них черты мужского характера. В народе говорили, что

мать для детей намного больше и ближе, чем отец. «Когда есть мать, дом – отцовский дом, когда матери нет, дом – чужой дом»; «Отец умер – полусирота, умерла мать – полный сирота», – говорили кумыки (*Аджиев А.М.*, 2005. С. 403).

Женщина имела исключительное положение и в обществе. Общеизвестен обычай, по которому женщина предотвращала ссору, кровопролитие, бросив платок между дерущимися мужчинами. Ей же принадлежала главная роль при примирении кровников.

Обычно акт примирения начинал сам убийца, «который, подползая к матери убитого на четвереньках, с поникшей головой, просил о пощаде, выражал свою глубокую скорбь, а также готовность нести любое наказание, для чего и подставлял шею. Обращение убийцы именно к женщине матери указывает на древность этого обычая, на былую первостепенную роль женщины. По преданиям кумыков, только мать могла отрезать прядь волос с головы убийцы, что означало предоставление кровнику права снять траур», – отмечала профессор С.Ш. Гаджиева (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 288).

Одна из универсальных обязанностей женщины вообще и кумычки, в частности, – приготовление пищи. «Это занятие характерно не только для женщин разных культур, но и для женщин, живших в разные исторические эпохи, некоторые коррективы только подтверждают общее положение. Став основным элементом женской повседневности, процесс приготовления пищи более всего предопределил «одомашнивание» женщины. Это один из факторов, поддерживающих тезис о бытовом закреплении женщин, привязывающих их к дому, к сфере обслуживания мужского сообщества». (*Текуева М.А.*, 2006. С. 110). Именно в культуре питания наблюдается жесткое разграничение мужского и женского пространства.

Следует отметить, что женщины кумычки, вне зависимости от социального положения, хорошо умели готовить и славились этим у других народов Дагестана. Ведущая роль в ведении хозяйства семьи принадлежала именно женщине. Женщина хозяйка рано усваивала рациональные приемы приготовления пищи, хранения и использования тех или иных продуктов. От женщины зависит «берекет» (в русском языке трудно найти эквивалент понятия «берекет», «берекетли», «берекетсиз». Буквально этот термин можно перевести как «наделенная божьей благодатью; человек, приносящий благо») в доме, говорили в народе.

Считалось, что у хорошей хозяйки никогда не портились продукты, ей всегда было чем накормить семью. Женщина определяла рацион питания в различные сезоны года, следила, чтобы больные, дети и старики получали соответствующую их возрасту и потребностям пищу. Повсеместно стало правилом, что хорошая хозяйка вначале кормила детей, больных и стариков, а затем и всех остальных.

Навыки приготовления пищи и ведения хозяйства издавна были важной составляющей процесса воспитания девочек в семье. С 7–8 лет девочки уже помогали матери готовить пищу: перебирали рис и другие крупы, кололи орехи, чистили зелень, следили за приготовлением обеда и т.д. К 12–13 годам девочка-подросток уже выполняла значительную часть женской работы по дому. Если в доме была дочь такого возраста, мать спокойно могла отлучиться, уверенная в том, что девочка со всеми домашними делами хорошо справится. Это и не удивительно, если иметь в виду, что девочек выдавали замуж в очень раннем возрасте: в 15–16 лет. Известны и более ранние браки – в 14 и даже в 13 лет. По данным нашего анкетного обследования (1976 г.), в с. Аксай Хасавюртовского района из числа браков старшего поколения семь девочек были выданы замуж в 13 лет, в 13-ти случаях –

в 14 лет и в 1 случае, невесте было 12-лет (жена 1910 г. рожд., муж 1899 г. рожд.). Вступили в брак в 1922 г. (Алимова Б.М., 1989. С. 9).

Именно женщины выступали хранительницами лучших этнических традиций семьи. Они повседневно передавали своим детям (особенно девочкам) все то, что, по их мнению, составляло ценность, учили дочерей всему, что умели сами. Мать не только учила дочерей навыкам вести дом (готовить пищу, убирать, стирать, шить, смотреть за домашней скотиной, обслуживать гостей и т.д.), но и строго следила за их обязательным соблюдением. Неумение девушки вести хозяйство ставилось в вину ее матери. «Этгенинг магъа буса, уйренгенинг сагъа» («То, что ты делаешь мне, а чему научишься – тебе»), – говорили кумычки своим дочерям. Еще они говорили: «Я не хочу, чтобы ваша свекровь говорила «Сени уйретген кълмасын»» (Проклятие той, кто тебя воспитал)».

Известно, что вопрос о женитьбе сына, как и о замужестве дочери, решался старшими членами семьи, которые руководствовались соображениями сословной принадлежности, имущественных интересов, общественным престижем тухума или патронимии обеих семей. Учитывалось и хорошее общественное мнение, добрая репутация как самой девушки, так и ее матери. По нравственному достоинству матери девушки пытались предугадать и ее нравственный облик. Мерилом оценки девушки была безупречная репутация не только самой девушки, но и ее матери. «Выбирая невесту, спроси о ее матери», – гласит народная мудрость, потому как именно мать своим примером оказывает влияние на дочь. Еще говорили о девушках – «Уясынна не горсе, учгунунна шону этер» («То, что увидит в гнезде (в своем доме), то совершит и в полете»). Если мать девушки не славилась как хорошая хозяйка, к такой девушке не сватались. В таких случаях говорили: «Анасына ошар кызы да» («На мать будет похожа и дочь»).

В книге Е. Вардимана «Женщина в древнем мире» четко отмечена неразрывная связь матери с дочерью: «для понимания «женского вопроса» в античном мире фигура дочери столь же важна, как и фигура матери. В древности почитались три богини: мать (Рея), женщина (Деметра) и дочь (Персефона). Позднее к этой триаде добавился четвертый, мужской элемент (Аид). В дальнейшем Рея, прародительница и мать всех олимпийских богов, отходит на задний план, и триаду составляют Деметра (мать), Персефона (девушка) и Аид (мужчина).

Хотя импозантный, бородатый, кудрявый, царствующий над всем и вся Зевс является отцом Персефоны, она для мира – не дочь отца, а дочь своей матери. С матерью целиком и полностью связана ее судьба. Эти двое символизируют непрерывное продолжение жизни; дочь – это возродившаяся мать. Богиня мать с ее беззаветной любовью отвечает глубочайшим чаяниям человека; она символизирует одновременно родину, дом, семью, безопасность, тепло и пищу. То же природное чувство переносится и на дочь. Она – продолжение, она – то же, что и мать» (Вардиман Е., 1990. С. 57–58).

За недостойные поступки дочери муж всегда обвинял жену. Она роняла авторитет мужа перед тухумом и обществом.

В целом женщина в доме отвечала не только за приготовление пищи, за ее распределение между членами семьи и т.д., но и за многие этические и эстетические моменты, за климат и покой в семье, что в совокупности характеризует и культуру этноса. Известно, что общение людей, начиная с семейного, родственного, происходит и во время трапезы. Как праздники, так и поминки включают в себя коллективный прием пищи. И тут очень важна культура питания и поведения

за трапезой, а роль женщины в этой сфере огромна. За любой трапезой соблюдался определенный порядок приема пищи в зависимости от пола и возраста. И этот порядок устанавливался старшей женщиной и неукоснительно соблюдался всеми членами семьи. Мужчины обычно не вмешивались в женские дела. Что приготовить к завтраку, обеду и ужину, обычно решала старшая женщина в неразделенной семье и жена хозяина дома в малой семье. Женщина хозяйка знала вкусы не только членов семьи, но и кунаков семьи. Что приготовить для семьи, а что для кунаков – женщина решала сама. Если жена хорошая, муж всегда был спокоен. Он знал, что жена все сделает как положено и ему не придется краснеть перед гостями. Хорошую жену кумыки сравнивали с золотом («алтун гесек» – «золотой слиток»). Хорошая жена – это не только хорошая хозяйка, которая успешно справляется со всеми домашними делами. Это еще и женщина обходительная, с приятными манерами, немногословная, благородная, в которой сочетаются и такие качества, как послушание и достоинство.

Характерная черта кумычки – соперничество в соблюдении гигиены во всем. Соблюдение личной гигиены также считается неизменным условием при приготовлении пищи, когда женщины тщательно мыли руки, стригли ногти, прятали волосы, а перед замешиванием теста предварительно купались. Вообще кумычки гигиене тела придавали большое значение. Не случайно, что у них были специальные банные перчатки для растирания тела.

Они очень тщательно следили за чистотой посуды. Обычно на медной посуде появлялась зеленая ржавчина (агъу, гог), такую ржавчину очищали золой (кул) преимущественно от сожженного подсолнечника, а также землей (песчаной, зернистой) и специальной желтой глиной. Для придания медной утвари и посуде особого блеска ее после тщательного очищения и мытья смазывали кашеобразным составом из той же золы или желтой глины, откладывали на сутки, после повторного мытья и сушки натирали куском мягкой шкуры или бархата (казаны, подносы, самовар и т.д.). Таким же образом мыли и фарфоровую посуду. Глиняную посуду в теплое и жаркое время года несколько раз выносили на солнце. Зимой снаружи ее натирали нутряным жиром. Весной, летом и осенью всю посуду и утварь по нескольку дней держали на воздухе. Считалось, что в противном случае в доме может появиться специфический, не очень приятный запах, который уже ничем не перебьешь.

Весной и осенью стирали и сушили паласы, ковры и постель, белили комнаты. После тщательной уборки на день-два в чистое помещение бросали ореховые листья и лишь затем уже заносили вещи в дом. Ниши, где хранилась постель, посыпали сушеными фиалками.

Кумычки придавали большое значение нормам, соблюдаемым при сервировке стола. Не принято было передавать гостям или членам семьи вилки, ложки, ножи непосредственно в руки; их приносили на подносе и ставили на середину стола. Нельзя было нож класть лезвием наружу, а вилки и ложки выпуклой стороной вверх, ночью мыть посуду (чтобы не ушел достаток – берекет), выбрасывать остатки пищи, вытряхивать скатерть с крошками, передавать еду непосредственно в руки. Всем этим тонкостям этики принятия пищи детей учили женщины. Они же следили и за их соблюдением.

Однако специфика традиционной трапезной обрядности феодалов совершенно отличалась от народной. Характерная особенность феодального быта – нали-

чие сложного ритуала времяпровождения и приема пищи. Здесь гендерные различия выявляются наиболее наглядно.

Известный просветитель и этнограф Манай Алибеков пишет, что «у князей и у больших (поместных) узденей были свои кунацкие комнаты в домах. Встав утром и опоясав себя туго поясом при оружии, они уходили в свою кунацкую комнату и там оставались, не ходя к женам, до тех пор, пока не настанет время спать, а на кухню они не заглядывали за всю жизнь ни разу. В кунацких князей собирались их уздени, молочные родственники. Старики там сидели, молодежь там стояла у стен. Старики говорили об адатах, о порядках в быту, о том, как молодежи надо себя вести, как жили отцы и т.д. Молодежь почтительно слушала. Тогда каждый из народа жертвовал для своего друга, приятеля, родного и всего народа своей жизнью и своим имуществом.

Ради своего народа и родного селения каждый и убивал, и умирал, и стремился поднять в глазах других обществ своего селения. Каждый имел сердце чистое, мысли неиспорченные, лицо открытое. Каждый из народа любил молодечество, удаль, проявляемые во время боев и всяких тревог. Тамазы восхваляли этих удальцов, прославившихся своими подвигами во время сборищ народных. У слышавшей и видевшей это молодежи проявлялось желание уподобиться этим удальцам и они стремились к удальству, творили подвиги. Те же, которые не придерживались адатов, не допускались в народные сборища и в кунацкие князей и узденей.

Тех которые в боях трусили и бежали, при выходах на тревоги прятались и не выходили под каким-нибудь предлогом, сдававшихся живыми в плен в боях, во время нападений на них, отдававших свое добро грабителям и возвращавшихся невредимыми, творивших насилия над своими односельчанами, натравливающих одних людей на других, вызывая между ними вражду и убийства, отбирающих обманом и ложью имущества других – всех таких людей князь и уздени в своих кунацких позорили и срамили и в народных сборищах не оказывали им ни малейшего уважения. Народ говорил о них: «Низкие люди, не мужчины, у них нет совести и чести, им не надо вращаться между князьями и узденями, им нужно сидеть с женами и помогать им кушанье готовить». (В прежнее время князю или узденю зайти на свою кухню нельзя было. Это для него считалось позором). Когда мужчина бил или ругал своих жену или сына, то если те убежали на кухню, значит спаслись от дальнейшего нападения мужа или отца» (*Алибеков Манай. 1927. С. 27–28*).

В этой связи следует напомнить, что пищу в семье, как правило, готовили женщины. Но у кумыков были и такие блюда (шашлык, зажаренные целиком ягнята, шашлык из сушеного мяса и сушеной колбасы, запекание целой туши над огнем; запекание туши раскаленными углями, забрасываемых через горловину в ее брюшную полость; запекание туши в горячей золе, засыпанной землей и т.д.), приготовление которых было исключительно мужским делом, т.е. являлось прерогативой мужчины. Возможно, что перечисленные кушанья были в прошлом чисто мужскими блюдами и имели ритуальное значение.

Следует отметить, что женщины не только не присутствовали при приготовлении этих блюд, но и не ели их. Они (женщины) ни при каких обстоятельствах не имели права проливать кровь животного; такое мясо считалось запретным для еды. Как и у многих других народов, у кумыков все операции, связанные с забоем скота, а возможно в более ранний период изначально и приготовление мясной пищи, были прерогативой мужчин. По своей природе женщина создана быть хра-

нительницей и дарительницей жизни, и поэтому блюда из зерновых (хлеб и всевозможные хлебные изделия, халва (мучная), каши и их приготовление – занятие женщин). То есть те жертвоприношения, которые связаны с забоем скота и с кровью, делаются от имени всего общества мужчинами, а бескровные пищевые приношения (хлеб, вареное зерно и т.д.) – женщинами (Текуева М.А., 2006. С. 111). Причину такого распределения (помимо хозяйственно-экономического значения) исследователи видят в том, что «архетипическое сознание должно было предохранять женщину, основное предназначение которой – рождение новой жизни, от всяческого убийства и пролития крови; а архетип злака – колоса, который ассоциируется с изобилием и возрождением, более соответствует женской ипостаси» (Текуева М.А., 2006. С. 111).

Таким образом, в культуре питания кумыков мы также наблюдаем жесткое разграничение «мужского» и «женского» пространства. Статус женщины в различных ситуациях и пищевых ритуалах говорит о ее высоком положении в семье и обществе.

Итак, в итоге можно заключить, что в культуре кумыков наблюдается жесткое разграничение мужского и женского пространства. Пространственное разделение между мужчинами и женщинами наблюдается, прежде всего, в сфере деятельности, связанной с традиционными хозяйствами. Сфера деятельности женщин у кумыков была сосредоточена в основном внутри дома, а мужчины, как более подвижный элемент, проводили большую часть своего времени вне дома (на работе в поле, в поездках, в общественных местах и т.д.). Кумычки говорили о мужьях, что они редкие гости в доме.

По причине гендерного разделения труда обычно женщины занимались и воспитанием детей. В целом женщина отвечала за благополучие и покой в семье, за сохранение семейных традиций и семейно-родственного коллектива и за многие этические и эстетические моменты.

Приведенные фольклорные материалы свидетельствуют об изначальном уважительном отношении к женщине не только в семье, но и обществе. О достойных во всех отношениях женщинах говорили «эдепли къатыылар» (благородные женщины). И каждая женщина обязана была оправдывать эту оценку своими поступками.

В традиционной семье и роль мужчины как главы семьи и ее кормильца была достаточно велика и ответственна. Он должен был заботиться о материальном благополучии семьи и престарелых родителях. Уважительное отношение к родителям и забота о них во все времена являлось святым долгом сыновей и дочерей. Целиком и полностью он отвечал за экономическую стабильность семьи. Считалось, что каждый мужчина должен быть способным прокормить свою семью и защитить ее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. Махачкала, 2005.
Алибеков Манай. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.
Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. Махачкала, 1989.
Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990.

Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. М., 1982.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961.

Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М., 1973.

Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006.

Хабек Й.О. Гендер. «Культура», Северные просторы // Этнографическое обозрение. М., 2006. № 4.

Хамитов Н.В. Философия человека: от метафизики к метаантропологии. Киев, 2002.

Харсиева Л.М.-Т. Специфика ингушской культуры. Назрань, 2007.